

ПАМЯТЬ

ЭКРАМ МЕЛИКОВ

1946-2016

ОБНЯТЬ ВЕЧНОСТЬ

В этом году исполнилось бы 75 лет Экраму Меликову, поэту, чье творчество составляет неотъемлемую часть пестрой литературной жизни на переломе эпох и в первые десятилетия нового века. Одна из самых заметных фигур в бакинском поэтическом сообществе тех лет, многолетний автор нашего журнала, поэтический бунтарь, мысливший поистине космическими категориями, он сводил счеты не только с социумом и временем, но и – ни много ни мало – с самим Всевышним...

Мастер яркой и неожиданной метафоры: «Утки тонут в лесных озерах, / Как пылающие танкера...», «Словно планки татарской гармонии, / Дышат лестницы старой ступени...», «Солнце чистит щеткой золотой / Корабли, как узкие ботинки...», «Длинный ряд обнаженных деревьев / На сырой киноплёнке реки...», «Дымок врезается, как штопор, / В небес прозрачную бутьль...» – вот только несколько примеров, навскидку взятых из его поэтических текстов.

Автор пяти поэтических сборников (первый из которых «Неуслышанный крик» вышел в Санкт-Петербурге в 1998-м), «в миру» он многие годы был научным сотрудником Музея истории Азербайджана, пытаясь, подобно другим своим собратьям по поэтическому цеху, не только удержаться на плаву в бурном житейском море, но и уберечь от свирепых ветров времени свой творческий огонь.

Его яркая поэтическая харизма, острые, подчас парадоксальные суждения влекли к себе начинающих поэтов, для которых общение с поэтом становилось ценным опытом – их «гуру» не только выправлял не слишком умелые строки, но и будоражил мысль, щедро делился поэтической эрудицией... В 2012 году в число участников Первого конкурса молодых поэтов Южного Кавказа, проходившего в столице Грузии, вошла дочь Экрама муаллима, Ясмине Меликова. Будучи по основной профессии турецким филологом, автором литературоведческих статей, рассказов и сценариев, она, как говорится, по определению не могла пройти «мимо» поэзии. Сосуществовать в творчестве и в жизни бок о бок с такой яркой и сложной личностью – очень нелегко, хотя бы потому, что невозможно не поддаться его «притяжению», вольно или невольно не начать имитировать стиль, перенимать систему образов. Тем не менее, Ясмине в свое время удалось найти свою лирическую интонацию, смягченную женским взглядом на мир, сохранив при этом образность мышления, унаследованную от отца: «Трава на небо смотрит / Зрачками васильков», «Мои стихи птенцами желторотыми / Из сердца падают, как из гнезда», «Как будто Бог кувалдой / Грохочет в облаках» (о грозе)... «Но в конце, обделенный Судьбою, / Я замечу ей свысока: / – Мне не жалко прощаться с тобою!.. / Жалко – губы, закаты, стога...»

Хочется надеяться, что поэт, наконец-то, получил ответы на все жгучие вопросы, так мучившие его при жизни, и обрел покой в объятиях Вечности...

У поблекших кустов

**Осень горчит, как хинин.
Деревья в аллеях мокрые,
И волосы пляшут у них
Красными осьминогами.**

**Ясно. Холодногато.
Бей, заря, наподобье клинка!..
Словно кровью намокшая вата,
На груди у небес облака.**

Вечность

Что для меня Господь – не ведаю.
Не знаю даже, есть ли Он.
Пред кем я сердце исповедаю,
Раскрыв его, как медальон.

Грехов в нем –
что там миллион!..
Но на судьбу свою не сетую.
И светом горним опален,
Я, смертный, с Вечностью беседую.

Шепчу о том, кричу о сём...
И в озареньях, невесом,
Прислушиваюсь. Снова, снова...
В ответ – ни слова...

Туннель

Спеша и зарываясь,
не видя четко цель,
Мы шумно в жизнь врывались,
как поезда в туннель.

Зато и честь какая:
в горячечном поту
Помчаться, чертыхаясь,
сквозь мрак и пустоту.

Как в сказке про Емелю,
чудес у нас не счесть.
Пусть нет конца туннелю –
мы будем думать: есть!

Пока вы спите, сони (вы сони еще те!..
Мы яростно несемся
в крошечной темноте.

И в ней ошеломленно,
все громче с каждым днем
Грохочут эшелоны, гружённые теплом.

Нас скука не зарежет.
«Прорвемся!» – вот девиз.
И свет вдали забрезжит, и оборвется жизнь.

И мир неугомонный нас примет, как гостей –
Мы привели вагоны счастливых новостей.

Неважно, в самом деле, насколько мы правы.
Мы, главное, – посмели!..
Посмеете ли вы?..

Человек

С себя материков сорвав отрепья,
Ты звездный остов ощущаешь лбом.
Блестят меридианы, словно цепи
На оголенном торсе голубом.

Исчезли лицедеи и тираны,
И некому учиться и учить.
Вулканов затянувшиеся раны
Готовы вскрыться и кровоточить.

И никогда уже не будет хуже.
Что может хуже быть судьбы такой?
Пусть кружится душа –
круги все уже –
Запущена нетвердою рукой.

Но знаю я – коленопреклоненной
Тебе не жить...
Ты вся дрожишь, как лань.
И что нам равнодушие Вселенной
И чья-то там карающая длань!

Каменная стена

И хочется, и колется!.. Под звездною порошей
Блестит листочек голенький
на веточке продрогшей.

Хожу я, озираясь вдоль каменной стены.
Ночь, словно надзирательница,
следит в глазок луны.

И хочется, и колется!..
Но Каспий, выгнав сон,
Зелеными осколками взрезает мне лицо.

Эй, белые деревья, звенящий звездопад:
Что я такого сделал?
И в чем я виноват?..

Брызги жизни

Беспокойно небес шелестела газета.
В мире ало и сыро,
как в отделе мясном.
В церкви свечи горели, но не было света,
Из резного окошка пахло ночью и сном.

Стал ломиться в храмину –
меня не пустили.

И уставши стучаться, и плюнув на двери затем,
Я пошел по пескам
бесконечной духовной пустыни,
Непонятно куда и не зная зачем.

Ужас стягивал веру мою все сильнее и туже.
А пустыня меняла свой цвет –
я заметил в тоске,
Как из губ моих вырвались красные брызги, и тут же
Превратились в слова,
что кипели на желтом песке...

Выдох

Уже закат, ссутулившись,
Померкнул в листьях заживо.
Пойду по тихим улицам
Сквозь сумерки озябшие.

Где рваные талоны
Мёл ветер по земле,
И мокрыми ладонями
Одежду пачкал мне.

На сердце этом лапы – чьи?..
Не отвечали. Мялись.
В домах сияли лампочки,
Плясали и смеялись.

О чем молва галдела?
Не знаю. В звездной стыни
Одна луна глядела
В мои зрачки пустые.

В холодный холм оденусь,
И душу – прочь! За шиворот.
Ей очень жить хотелось,
Но нам не разрешили...

Поток ненавязчивых слов
Спокойно течет по бумаге.
Как много трусливых ослов
Моей удивятся отваге.

Да только не верится мне,
Что будет когда-нибудь это.
Ни в близкой,
ни в дальней стране
Никто не обнимет поэта.
